

ВОЙНАРОВСКІЙ,

ПОЭМА ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

К. В. РЫЛЪЕВА.

..... Nessun maggior dolore
Che ricordarsi del tempo felice
Nella miseria. ....

Dante.

1825.

А. А. ВЕСТУЖЕВУ.

Какъ странникъ грустный, одинокой,
Въ степяхъ Аравіи пустой,
Изъ края въ край съ тоской глубокой
Бродилъ я въ міръ сиротой.
Ужъ къ людямъ холодъ ненавистной
Примѣтно въ душу проникалъ,
И я въ безуміи дерзалъ
Не вѣрить дружбѣ безкорыстной.
Внезапно ты явился мнѣ:
Повязка съ глазъ моихъ упала;
Я разувѣрился вполне,
И вновь въ небесной вышинѣ
Звѣзда надежды засіяла.

Прими-жъ плоды трудовъ моихъ,
Плоды безпечнаго досуга;
Я знаю, другъ, ты примешь ихъ
Со всей заботливостью друга.
Какъ Аполлоновъ строгій сынъ,
Ты не увидишь въ нихъ искусства:
За то найдешь живыя чувства;
Я не поэтъ, а гражданинъ.

ЖИЗНЕОПИСАНІЕ ВОЙНАРОВСКАГО.

Андрей Войнаровскій былъ сынъ родной сестры Мазепы, но объ его отцѣ и дѣтствѣ нѣтъ никакихъ вѣрныхъ свѣдѣній. Знаемъ только, что бездѣтный гетманъ, провидя въ племянникѣ своемъ дарованія, объявилъ его своимъ наслѣдникомъ и послалъ учиться въ Германію наукамъ и языкамъ иностраннымъ. Обѣхавъ Европу, онъ возвратился домой, обогативъ разумъ познаніемъ людей и вещей. Въ 1705-мъ году Войнаровскій посланъ былъ на службу царскую. Мазепа поручилъ его тогда особому покровительству графа Головина, а въ 1707-мъ году мы уже встрѣчаемъ его атаманомъ пятидесячнаго отряда, посланнаго Мазепою подъ Люблинъ въ усиленіе Меншикова, откуда и возвратился онъ осенью того же года. Участникъ тайныхъ замысловъ своего дяди, Войнаровскій, въ рѣшительную минуту впаденія Карла XII въ Украину, отправился къ Меншикову, чтобы извинить медленность гетмана и заслонить его поведеніе. Но Меншиковъ уже былъ разочарованъ: сомнѣнія объ измѣнѣ Мазепы превращались въ вѣроятія, и вѣроятія склонились къ достовѣрности — рассказы Войнаровскаго остались втунѣ. Видя, что каждый часъ умножается опасность его положенія, не принося никакой пользы его сторонѣ, онъ тайно отѣхалъ къ войску. Мазепа еще притворствовалъ: показавъ видъ, будто разгнѣвался на племянника, и чтобы удалить отъ себя тягостнаго нажидателя, полковника Протасова, упросилъ его исходатайствовать лично у Меншикова прощеніе Войнаровскому за то, что тотъ уѣхалъ не простясь. Протасовъ дался въ обманъ и оставилъ гетмана, казалось, умирающаго. Явная измѣна Мазепы и прилученіе части казацкаго войска къ Карлу XII послѣдовали за снѣмъ немедленно, и отъ сихъ поръ судьба Войнаровскаго была нераздѣльна съ судьбою сего славнаго измѣнника и вѣнценоснаго рыцаря, который не разъ посылалъ его изъ Бендеръ къ хану крымскому и турецкому двору, чтобы возстановить ихъ противъ Россіи. Станиславъ Лещинскій нарекъ Войнаровскаго короннымъ воеводою Царства Польскаго, а Карлъ далъ ему чинъ полковника шведскихъ войскъ, и по смерти Мазепы назначилъ гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра. Однакожь Войнаровскій потерялъ блестящую и вѣрную надежду быть гетманомъ всей Малороссіи, ибо намѣреніе дяди и желаніе его друзей призывали его

въ преємники сего достоинства, отклонилъ отъ себя безземельное гетманство, на которое осудили его одни бѣглецы, и даже откупился отъ онаго, придавъ Орлику 3.000 червонныхъ къ имени гетмана и заплативъ Кошевому 200 червонцевъ за склоненіе вазаконъ на сей выборъ. Наслѣдовавъ послѣ дяди знатное количество денегъ и драгоценныхъ каменьевъ, Войнаровскийъ пріѣхалъ изъ Турціи и сталъ очень роскошно жить въ Вѣнѣ, въ Бреславлѣ и Гамбургѣ. Его образованность и богатство ввели его въ самый блестящій кругъ дворовъ германскихъ, и его ловкость, любезность доставили ему знакомство (кажется весьма двусмысленное) съ славною графинею Кенигсмаркъ, любовницею противника его, короля Августа, матерью графа Морица де-Саксъ.—Между тѣмъ какъ счастье ласкало такъ Войнаровскаго забавами и дарами, судьба готовила для него свои перуны. Намѣреваясь отправиться въ Швецію для полученія съ Карла занятыхъ имъ у Мазепы 240.000 талеровъ, онъ пріѣхалъ въ 1716 году въ Гамбургъ, гдѣ и былъ схваченъ на улицѣ магистратомъ по требованію російскаго резидента Беттахера. Однакожъ, вслѣдствіе протестаціи вѣнскаго двора, по правамъ нейтралитета, отправленіе его изъ Гамбурга длилось долго и лишь собственная рѣшимость Войнаровскаго, отдаться милости Петра I, предала его во власть русскихъ. Онъ представился государю въ день именинъ императрицы и ея заступленіе спасло его отъ казни. Войнаровскийъ былъ сосланъ со всѣмъ семействомъ въ Якутскъ, гдѣ и кончилъ жизнь свою, но когда и какъ, неизвѣстно. Миллеръ, въ бытность свою въ Сибири въ 1736 и 1737-мъ годахъ, видѣлъ его въ Якутскѣ, но уже одичавшаго и почти забывшаго иностранные языки и свѣтское обхожденіе.

Такова была жизнь Войнаровскаго и нравъ его видѣнъ въ дѣлахъ. Онъ былъ отваженъ, ибо Мазепа не ввѣрилъ бы ему многочисленнаго отряда людей независимыхъ, у коихъ одни личныя достоинства могли скрѣплять власть; краснорѣчивъ, что доказываютъ порученія отъ Карла XII и Мазепы; рѣшителенъ и неуклончивъ, какъ это видно изъ размолвки его съ Меншиковымъ; наконецъ, ловокъ и обходителенъ, ибо тщеславіе не нарекло бы его въ Вѣнѣ графомъ, если бы любезный диваръ сей не имѣлъ тонкости свѣтской; однимъ словомъ, Войнаровскийъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ людей, которыхъ Великій Петръ почтилъ именемъ опасныхъ враговъ. Безъ сомнѣнія, Войнаровскийъ, одаренный сильнымъ характеромъ, которому случай далъ развернуться въ такую славную эпоху, принадлежитъ къ числу любопытнѣйшихъ лицъ прошлаго вѣка — лицъ, равно присвоенныхъ исторіи и поэзіи, ибо препратность судьбы его предупредила всѣ вымыслы романтика.

А. А. Вестужевъ.

ВОЙНАРОВСКІЙ.

П О Э М А.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Въ странѣ метелей и снѣговъ,
На берегу широкой Лены,
Чернѣетъ длинный рядъ домовъ
И юртъ бревенчатыхъ стѣны.
Кругомъ сосновый частоколь
Поднялся изъ снѣговъ глубокихъ.
И съ гордостью на дикій долъ
Глядятъ верхи церквей высокихъ;
Вдали шумить дремучій боръ,
Бѣгѣютъ снѣжныя равнины,
И тянутся кремнистыхъ горъ
Разнообразныя вершины...

Всегда сурова и дика
Сихъ странъ угрюмая природа;
Реветь сердитая рѣка,
Бушуетъ часто непогода,
И часто мрачны облака...

Никто страны сей безотрадной,
Обширной узниковъ тюрьмы.
Не посѣтитъ, боясь зимы
И продолжительной и холодной.
Однообразно дни ведетъ
Якутска житель одичалой;
Лишь разъ или дважды въ круглый годъ
Съ толпой преступниковъ усталой
Дружина воиновъ придетъ;

Изъ якутскими мѣхами,
 Изъ ближнихъ и далекихъ странъ,
 Приходить съ русскими купцами
 Въ забытый городъ караванъ.
 На мигъ въ то время оживится
 Якутскъ унылый и глухой;
 Все зашумитъ, засуетится,
 Народы разные толпой:
 Якутъ и юкагирь пустынной,
 Неся богатый свой ясакъ,
 Лѣсной тунгузъ, и съ пикой длинной
 Сибирскій строевой казакъ.

Тогда зима на мигъ единый
 Отъ мѣстъ угрюмыхъ отлетитъ;
 Безмолвный лѣсъ заговоритъ,
 И чрезъ зеленя долины
 По камнямъ Лена зашумитъ.
 Такъ посѣщаетъ въ подземельѣ,
 Почти убитаго тоской,
 Страдальца-узника порой
 Души минутное веселье.
 Такъ въ душу мрачную влетитъ,
 Подъ часъ, спокойствіе ошибкой
 И принужденною улыбкой
 Чело злодѣя прояснитъ.....

Но кто украдкою изъ дому,
 Въ туманѣ раннею порой,
 Идетъ по берегу крутому
 Съ винтовкой длинной за спиной;
 Въ полукафтаны, въ шапкѣ черной
 И перетянутъ кушакомъ,
 Какъ странъ Днѣпра казакъ проворной
 Въ своемъ нарядѣ бовоемъ?
 Взоръ беспокойный и угрюмый,
 Въ чертахъ суровость и тоска,
 И на челѣ его слегка
 Тревожныя рисуетъ думы
 Судьбы враждующей рука.
 Вотъ къ западу простеръ онъ руки;
 Въ глазахъ вдругъ пламень засверкалъ,
 И съ видомъ нестерпимой муки,
 Въ волненьи сильномъ онъ сказалъ:

«О край родной! поля родныя!
 Мнѣ васъ ужъ болѣ не видать;
 Васъ, гробы праотцевъ святыя,
 Изгнаннику не обнимать.

«Горить напрасно пламень пылкій,
Я не могу полезнымъ быть:
Средь дальней и позорной ссылки
Мнѣ суждено въ тоскѣ изныть.

«О край родной! поля родныя!
Мнѣ васъ ужъ болѣ не видать:
Васъ, гробы праотцевъ святые,
Изгнаннику не обнимать».

Сказалъ; пошелъ по косогору:
Едва примѣтною тропой
Поворотилъ къ сырому бору,
И вотъ исчезъ въ глуши лѣсной.
Кто смыслный сей, никто не знаетъ:
Давно въ страну изгнанья онъ,
Молва народная вѣщаетъ,
Въ кибиткѣ крытой привезенъ.
Улыбки не видать приветной
На незнакомцѣ никогда,
И поспѣли ужъ примѣтно.
Его и усъ и борода.
Онъ не варнакъ; смотри: не видно
Печати роковой на немъ,
Для человѣчества постыдной,
Рукою дерзкой и безстыдной
Въ чело вклеянной палачемъ.
Но видъ его суровѣй вдвое,
Чѣмъ дикій видъ чела съ клеймомъ;
Покоенъ онъ: но такъ въ покоѣ
Байкаль предъ бурей мрачнымъ днѣмъ.
Какъ въ часъ глухой и мрачной ночи,
Когда за тучей мѣсяцъ спитъ,
Могильный огонекъ горитъ—
Такъ незнакомца блещутъ очи.
Всегда дичится и молчитъ;
Одинъ, какъ отчужденный, бродитъ;
Ни съ кѣмъ знакомства не заводитъ;
На всѣхъ сурово онъ глядитъ...

Въ странѣ той хладной и дубравной
Въ то время жилъ нашъ Миллеръ славной:
Въ укромномъ домицѣ, въ тиши,
Работалъ для вѣковъ въ глуши,
Съ судьбой боролся своенравной
И жажду утолялъ души.
Изъ родины своей далекой
Въ сей край пустынный завлеченъ
Къ познаньямъ страстию высокой,
Здѣсь наблюдалъ природу онъ.
Въ часы суровой непогоды

Любилъ рассказы стариковъ
 Про Ермака и казаковъ,
 Про ихъ отважные походы
 По царству хлада и снѣговъ;
 Какъ часто, вышедши изъ дому,
 Бродилъ по цѣлымъ онъ часамъ
 По океану снѣговому
 Или по добрямъ и горамъ.
 Слѣдилъ, какъ солнце, яркій пламень
 Разливъ по тверди голубой,
 На мигъ за Бангалацкій камень
 Уходитъ глѣтнею порой.
 Все для пришельца было ново:
 Природы дикой красота,
 Климатъ жестокой и суровой,
 И дивихъ нравовъ простота.

Однажды онъ въ морозъ трескучій
 Оленя гнавъ съ сибирскимъ псомъ,
 Вбѣжалъ на лыжахъ въ глѣсъ дремучій—
 И мракъ, и тишина кругомъ!
 Повсюду сосны вѣковыя,
 Иль кедры въ инеѣ сѣдомъ;
 Сплелися вѣтви ихъ густыя
 Непроницаемымъ шатромъ.
 Невидно изъ глѣсу дороги...
 Черезъ хворость, кочки и снѣга
 Олень несется быстроногій,
 Закинувъ на спину рога.
 Вдали межъ соснами мелькаетъ,
 Летить... вдругъ выстрѣлъ!... быстрый бѣгъ.
 Олень внезапно прерывается...
 Вотъ зашатался—и на снѣгъ,
 Окровавленный, упадаетъ.
 Смущенный Миллеръ робкій взоръ
 Туда, гдѣ палъ олень, бросаетъ
 Сквозь чащу, вѣтви, дичь и боръ,
 И зрить: къ оленю подбѣгаетъ
 Съ винтовкой длинною въ рукѣ.
 Окутанный дахою черной,
 И въ длинношерстvomъ чебакѣ,
 Охотникъ ловкой и проворной...

То смельный бытъ. Угрюмый взглядъ,
 Вооруженье и нарядъ,
 И незнакомца видъ унылой,
 Все душу странника страшило...
 Но трепеща въ глуши глѣсной
 Блуждать одинъ, путей не зная,

Преодолѣлъ онъ ужась свой
 И быстрой полетѣлъ стрѣлой,
 Бѣгъ къ незнакомцу направляя.
 «Ктобъ ни былъ ты, онъ такъ сказалъ,
 Будь мнѣ вожатымъ, ради Бога;
 Гнавъ звѣря, я съ троимъ сбѣжалъ
 И въ глушь нечаянно попалъ;
 Скажи, гдѣ на Якутскъ дорога?»—
 «Она осталась за тобой,
 За часъ отсюда, въ ближнемъ долѣ;
 Кругомъ все дичь и глѣсъ густой,
 И врядъ ли до ночи глухой
 Успѣешь выбратъся ты въ поле;
 Уже вечерняя пора...
 Но мы вблизи займки скудной:
 Пойдемъ—тамъ въ юртѣ до утра
 Ты отдохнешь съ охоты трудной».

Они пошли. Все глуше глѣсъ,
 Все рѣже видѣнъ сводъ небесъ...
 Погасло дневное свѣтило;
 Настала ночь... Вотъ мѣсяцъ всплылъ
 И одинокій и унылой,
 Дремучій глѣсъ осеребрилъ
 И юрту путникамъ открылъ.
 Пришли—и слышный торопливо
 Вошедъ въ угрюмый свой пріютъ,
 Вдругъ застучалъ кремнемъ въ огниво,
 И искры сыпались на трутъ,
 Мракъ освѣщая молчаливой,
 И каждый въ сталь ударъ кремня,
 Въ углу обители пустынной,
 То дуло озарялъ ружья,
 То ратовище пальмы длинной,
 То саблю, то конецъ копыя.
 Глазъ съ незнакомца не спуская,
 Близъ двери Миллеръ передъ нимъ,
 Въ душѣ невольный страхъ скрывая,
 Стоитъ и нѣмъ и недвижимъ...
 Вотъ вздуть огонь, пришлецъ суровый
 Проворно жирникъ засвѣтилъ,
 Скамью придвинулъ, столъ сосновый
 Простою скатертью накрылъ,
 И съ лаской гостя посадилъ.
 И вотъ за трапезою сытной,
 Въ хозяина впередя взоръ,
 Заводитъ странникъ любопытной
 Съ нимъ о Сибири разговоръ.
 Въ какое-жъ Миллеръ удивленіе

Былъ незнакомецъ приведенъ;
 И кто бы не былъ пораженъ:
 Странъ европейскихъ просвѣщенье
 Въ лѣсахъ сибирскихъ встрѣтилъ онъ!
 Покинувъ родину, съ тоскою
 Два года Миллеръ, какъ чужой,
 Бродилъ бездомнымъ сиротою
 Въ странѣ забытой и глухой.
 Но тутъ, въ пустынѣ отдаленной,
 Онъ неожиданно, въ глуши,
 Впервые могъ тоску души
 Отвести бесѣдой просвѣщенной.
 При строгой важности лица,
 Слова, высокихъ мыслей полны,
 Изъ устъ сѣдого пришлеца,
 Въ избыткѣ чувствъ, текли какъ волны.
 Въ бесѣдѣ долгой и живой
 Глаза у обоихъ сверкали;
 Они другъ друга понимали;
 И, какъ друзья, въ глуши лѣсной
 Взаимно души открывали.
 Усталый странникъ позабылъ
 И поздній часъ и сонъ отрадный,
 И слушать незнакомца жадный,
 Казалось, весь вниманье былъ.

«Ты знать желаешь, добрый странникъ,
 Кто я, и какъ сюда попалъ?—
 Такъ незнакомецъ продолжалъ,—
 Того до сей поры изгнанникъ.
 Здѣсь никому не повѣрялъ.
 Иныхъ здѣсь чувствъ и мнѣній люди:
 Они не поняли-бъ меня,
 И повѣсть мрачная моя
 Не взволновала бы ихъ груди.
 Тебѣ же тайну ввѣрю я
 И чувства сердца обнаружу:
 Ты въ родинѣ, какъ должно мужу,
 Наукой просвѣтилъ себя.
 Ты все поймешь, ты все оцѣнишь,
 И несчастливцу не измѣнишь...

«Дивись же, странникъ молодой,
 Какъ гонить смертныхъ рокъ свирѣпый:
 Въ одеждѣ дикой и простой,
 Узнай—сидитъ передъ тобой
 И другъ, и родственникъ Мазены!
 Я Войнаровскийъ. Обо мнѣ
 И о судьбѣ моей жестокой

Ты, можетъ быть, въ родной странѣ
 Слыхалъ неразъ, съ тоской глубокой....
 Ты видишь: дикъ я и угрюмъ,
 Брожу, какъ остовъ, очи впали,
 И на челѣ бразды печали,
 Какъ отпечатокъ тяжкихъ думъ,
 Страдальцу видъ суровый дали.
 Между лѣсовъ и грозныхъ скалъ,
 Какъ вѣчный узникъ безотраденъ,
 Я одряхлѣлъ, я одичалъ,
 И какъ климатъ сибирскій, сталъ
 Въ своей душѣ жестокъ и хладенъ.
 Ничто меня не веселитъ,
 Любовь и дружество мнѣ чужды,
 Печаль свинцомъ въ душѣ лежитъ,
 Ни до чего нѣтъ сердцу нужды.
 Бѣгу, какъ недругъ, отъ людей;
 Я не могу снести ихъ вида:
 Ихъ жалость о судьбѣ моей
 Мнѣ нестерпимая обида.
 Кто брошенъ въ дальные снѣга
 За дѣло чести и отчизны,
 Тому сносите укоризны,
 Чѣмъ сожалѣнне врага.

.....
 И ты печально не гляди,
 Не изъявляй мнѣ сожалѣнне,
 И такъ жестоко не буди
 Въ моей измученной груди
 Тоски уснувшей на мгновенье.
 Признаться-ль, странникъ: я бѣ желалъ,
 Чтобъ люди узника чуждались,
 Чтобъ взглядъ мой душу ихъ смущалъ,
 Чтобы меня средь этихъ скалъ,
 Какъ привидѣннѣ, пугались.
 Ахъ! можетъ быть, тогда покой
 Сдружился бы съ моей душой....
 Но зналъ и я, когда-то, радость
 И отъ души людей любилъ,
 И полной чашею испилъ
 Любви и тихой дружбы сладость.
 Среди родной моей земли,
 На лонѣ счастья и свободы,
 Мои младенческіе годы
 Ручьемъ игривымъ протекли;
 Какъ легкій сонъ, какъ привидѣнне,
 За ними радость на мгновенье,
 А вмѣстѣ съ нею суеты,
 Война, любовь, печаль, волненье,
 И пылкой юности мечты.

«Врагъ хищныхъ крымцевъ, врагъ поляковъ,
 Я часто за Палѣемъ вслѣдъ,
 Съ ватагой храбрыхъ гайдамаковъ
 Искалъ иль смерти, иль побѣдъ.
 Бывало кони быстроноги
 Въ степяхъ и дикихъ и глухихъ.
 Гдѣ нѣтъ жилья, гдѣ нѣтъ дороги,
 Мчатъ вихремъ всадниковъ лихихъ.
 Дыша любовью къ дикой волгѣ,
 Бодры и веселы безъ сна,
 Мы воздухомъ питались въ полѣ
 И малой горстью толокна.
 Въ неотразимые наѣзды
 Намъ путь указывали звѣзды,
 Иль шумный вѣтеръ, иль курганъ;
 И мы, какъ туча громовая,
 Внезапно и отъ разныхъ странъ,
 Пустыню воплемъ оглашая,
 На вражій наѣзжали станъ,
 Дружины грозныя громили,
 Селенія и грады въ прахъ,
 И въ земли чуждыя вносили
 Опустошеніе и страхъ.
 Враги вездѣ отъ насъ бѣжали,
 И, трепеща постыдныхъ узъ,
 Постыдной данью покупали
 У насъ сомнительный союзъ.

«Однажды, увлеченъ отвагой
 Я съ малочисленной ватагой
 Неустрасимыхъ удалцовъ.
 Ударилъ на толпы враговъ.
 Бой длился до ночи. Поляки
 Уже смѣшались въ рядахъ,
 И строился далѣ, на холмахъ,
 Намъ уступали поле драки.
 Вдругъ слышимъ крымцевъ дикій гласъ...
 Поля и стовуть и трисутся...
 Глядимъ—со всѣхъ сторонъ на насъ
 Толпы враждебныя несутся...
 Въ одно мгновеніе тучи стрѣлъ
 Въ дружину нашу засвистали;
 Вотще я устоять хотѣлъ:
 Враги все болѣ насъ стѣсняли
 И, наконецъ, повинувъ бой,
 Мы степью дикой и пустой
 Разсыпались и побѣжали...
 Погоню слыша за собой,
 И раненый, и изнуренный,

Я на конѣ летѣлъ стрѣлой,
Страхася въ плѣнь попасть презрѣнный.

«Ужъ Крима хищные сыны
За мною гнаться перестали;
За рубежомъ родной страны
Ужъ хутора вдали мелькали.
Ужъ въ куреняхъ я зрѣлъ огонь,
Уже я думалъ — вотъ примчался!
Какъ вдругъ мой изнуренный конь
Остановился, зашатался,
И близъ границъ страны родной
На землю грянулся со мной...

«Одинъ, вблизи стеной могилы,
Съ конемъ издохнувшимъ своимъ,
Подъ сводомъ неба голубымъ
Лежалъ я мрачный и унылый.
Катился градомъ потъ съ чела,
Изъ раны кровь ручьемъ текла...
Напрасно, помощь призывал,
Я слабый голосъ подавалъ;
Въ степи пустынной исчезая,
Едва родясь, онъ умиралъ.

«Все было тихо... лишь могила
Уныло съ вѣтромъ говорила.
И одинока, и блѣдна,
Плыла двурога луна
И озаряла сумракъ ночи.
Я безъ движенія лежалъ;
Ужъ я, казалось, замиралъ;
Уже, заглядывая въ очи,
Надъ мною хищный вранъ леталъ...
Вдругъ слышу шорохъ за курганомъ,
И зрю: покрытая серпяномъ,
Казачка юная стоитъ,
Склоняясь робко надо мною,
И на меня съ нѣмой тоскою
И нѣжной жалостью глядитъ.

«О незабвенное мгновенье!
Воспоминанье о тебѣ,
На зло враждующей судьбѣ,
И здѣсь страдальцу упоенье!
Я не забылъ его съ тѣхъ поръ;
Я помню сладость первой встрѣчи,
Я помню ласковыя рѣчи
И полный состраданья взоръ.

Я помню радость дѣвы нѣжной,
 Когда страдалецъ безнадежной
 Былъ подъ хранительную стѣну
 Снесенъ къ отцу ея въ курень.
 Съ какой заботою ходила
 Она за страждущимъ больнымъ;
 Съ какимъ участіемъ живымъ
 Мои желанія ловила.
 Я всѣ утѣхи находилъ
 Въ моей казачкѣ черноокой;
 Въ ея словахъ я нѣгу пилъ
 И облегчалъ недугъ жестокой.
 Въ часы безсонницы моей,
 Она, прикинувъ къ изголовью,
 Сидѣла съ тихою любовью
 И не сводя съ меня очей.
 Въ часъ моего успокоенья
 Она ходила собирать
 Степныя травы и коренья,
 Чтобъ ими друга врачевать.
 Какъ часто нѣжно и пріятно
 На мнѣ прекрасной взоръ бродилъ,
 И я казачку непримѣтно
 Душою пылкой полюбилъ.
 Въ своей невинности сначала
 Она меня не понимала;
 Я тосковалъ, кипѣла кровь!
 Но скоро пылкая любовь
 И въ милой дѣвѣ занялася...
 Настала счастья пора!
 Подругой юной исцѣленный.
 Съ душой, любовью упоенной,
 Я обновленный всталъ съ одра.
 Недолго мы любовь тайли,
 Мы скоро жаръ сердець своихъ
 Ея родителямъ открыли,
 И на союзъ сердець просили
 Благословенія у нихъ.

«Три года молніей промчались
 Подъ кровомъ хижины простой;
 Съ моей подругой молодой
 Ни разу мы не разлучались.
 Среди пустынь, среди степей,
 Въ кругу рѣзвѣющихся дѣтей,
 На мирномъ лонѣ сладострастья,
 Съ казачкой милою моею
 Вполнѣ узналъ я дѣйну счастья.
 Угрюмый гетманъ насъ любилъ,

Какъ дѣдъ, дарилъ малютокъ мимыхъ,
И наконецъ, изъ мѣстъ унылыхъ
Въ Батуринь насъ переманилъ.

«Все шло обычной чередой.
Я счастливъ былъ; но вдругъ покой
И счастье мое сокрылось;
Нагрянулъ Карлъ на Русь войной:
Все на Украинѣ ополчилось,
Съ весельемъ всѣ летятъ на бой;
Лишь только мракомъ и тоской
Чело Мазепы обложилось.
Изъ-подъ бровей нависшихъ сталъ
Сверкать какой-то пламень дикій;
Угрюмый съ нами, онъ молчалъ,
И равнодушіе внималъ
Полковъ привѣтственные клики.

«Вину таинственной тоски
Вотще я разгадать старался;
Мазепа ото всѣхъ скрывался,
Молчалъ—и собиралъ полки.
Однажды позднѣю порою
Онъ въ свой дворецъ меня призвалъ;
Вхожу и слышу: «Я желалъ
Давно бесѣдовать съ тобою;
Давно хотѣлъ открыться я
И важную повѣрить тайну;
Но напередъ завѣрь меня,
Что ты при случаѣ себя
Не пожалѣешь за Украину».

—«Готовъ всѣ жертвы я принести,—
Воскликнулъ я,—странѣ родимой;
Отдамъ дѣтей съ женой любимой;
Себѣ одну оставлю честь.»—
Глаза Мазепы засверкали;
Какъ предъ разсвѣтомъ ночи мгла,
Съ его угрюмага чела
Сбѣжало облако печали.
Сжавъ руку мнѣ, онъ продолжалъ:

«Я зрю въ тебѣ Украины сына;
Давно прямого гражданина
Я въ Войнаровскомъ угадалъ.
Я не люблю сердце холодныхъ—
Они враги родной странѣ,
Враги священной старинѣ:
Ничто имъ бремя бѣдъ народныхъ.

Имъ чувствъ высшихъ не дано;
 Въ нихъ нѣтъ огня душевной силы,
 Отъ колыбели до могилы
 Имъ пресмыкаться суждено.
 Ты не таковъ; я это вижу;
 Но чувствъ твоихъ я не унижу,
 Сказавъ, что родину мою
 Я богѣ, чѣмъ ты, люблю.
 Какъ должно юному герою,
 Любя страну своихъ отцовъ,
 Женой, дѣтями и собою
 Ты ей пожертвовать готовъ...
 Но я, но я, пылая местию.
 Ее спасая отъ оковъ,
 Я жертвовать готовъ ей честью!
 Но къ тайнѣ приступить пора:
 Я чту Великаго Петра
 Но—покоряясь судьбинѣ,
 Узнай: я врагъ ему отнынѣ!...
 Шагъ этотъ дерзокъ, знаю я;
 Отъ случая всему рѣшенье,
 Успѣхъ невѣренъ—и меня
 Иль слава ждетъ, или поношенья!
 Но я рѣшился; пусть судьба
 Грозить странѣ родной злосчастьемъ;
 Ужъ близокъ часъ, близка борьба,
 Борьба свободы съ самовластьемъ!...»

«Началомъ бѣды моихъ была
 Сія бесѣда роковая!
 Съ тѣхъ поръ пора утѣхъ прошла,
 Съ тѣхъ поръ, о родина святая!
 Лишь ты всю душу заняла.
 Мазепѣ предался я слѣпо,
 И, другъ отчизны, другъ добра,
 Я поглялся враждой свирѣпой
 Противъ Великаго Петра.
 Ахъ, можетъ, былъ я въ заблужденьи,
 Кипящей ревностью гора;
 Но я въ слѣпомъ ожесточеньи
 Тираномъ почиталъ царя...
 Быть можетъ, увлеченный страстью,
 Не могъ я цѣну дать ему,
 И относилъ то къ самовластью,
 Что свѣтъ отнесъ къ его уму,
 Судьбѣ враждующей послушенъ,
 Переносу я жребій свой,
 Но, ахъ! вдали страны родной
 Могу-ль всегда быть равнодушнѣ?»

Рожденный съ пылкою душой
 Полезнымъ быть родному краю,
 Съ надеждой славиться войной,
 Я бесполезно изнываю
 Въ странѣ пустынной и чужой.
 Какъ тѣнь вездѣ тоска за мною,
 Ужъ гаснетъ огнь моихъ очей,
 И таю я, какъ ледъ весною
 Отъ распалющихся лучей.
 Душѣ честолюбивой—бремя
 Вести съ бездѣйствіемъ борьбу;
 Но какъ ужасно знать до время
 Свою ужасную судьбу!
 Судьбу—всю жизнь влача въ кручинѣ,
 Тая тоску въ душѣ своей,
 Зрѣть гробъ въ безбрежной сей пустынѣ,
 Далеко отъ родныхъ степей...
 Почто, почто въ битвѣ кровавой,
 Летая гордо на конѣ,
 Не встрѣтилъ смерти подъ Полтавою?
 Почто съ безславіемъ иль славой
 Я не погибъ въ родной странѣ?
 Увы! умру въ семь царствѣй ночи!
 Мнѣ такъ судилъ жестокой роки;
 Умру я—и чужой песокъ
 Изгнанника засыплетъ очи!>

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Ужъ было ясно и свѣтло,
 Морозъ стрѣлялъ въ глуши дубравы,
 По небу сѣрому текло
 Свѣтило дня, какъ шаръ кровавый.
 Но въ юрту день не проникалъ;
 Скользя съвозъ вѣтви дровъ густыхъ,
 Едва на окна ледяныя
 Лучъ одинокій ударялъ.

Знакомцы новые сидѣли
 Уже давно предъ очагомъ;
 Дрова сосновыя дотѣли,
 Лишь угли красныя блестя
 Порою синимъ огонькомъ.

Недвижно добрый странник внемлетъ
 Страдальца горестный разсказъ,
 И часто гнѣвъ его объемлетъ,
 Иль слезы падаютъ изъ глазъ.....

«Видалъ ли ты когда весной,
 Освобожденная изъ плѣна,
 Въ брегахъ крутыхъ несется Лена?
 Когда, гоня волну волной
 И разрушая всѣ преграды,
 Ломаетъ льдистыя громады,
 Иль поднимая дикій вой,
 Клубится и бугры вадываетъ,
 Утесы съ ревомъ отторгаетъ
 И ихъ уносить за собой,
 Шума, въ невѣдомыя степи?...
 И мы, порвавъ подданства цѣпи,
 На гласъ отчизны и вождей,
 Ниспровергая всѣ препоны,
 Помчались защищать законы
 Среди отеческихъ степей.

«Летая за гремящей славой,
 Я жизни юной не щадилъ,
 Я степи кровью обагрить,
 И свой булатъ въ войнѣ кровавой
 О кости русскихъ притупилъ.

«Мазепа съ сѣвернымъ героемъ
 Давалъ въ Украйнѣ бой за боемъ.
 Дымилась кровью поля,
 Тѣла разбросанныя гнили,
 Ихъ псы и волки теребили;
 Казалась трупомъ вся земля!
 Но всѣ усилъ тщетны были:
 Ихъ умъ Петровъ преодолѣлъ;
 Чась битвы роковой приспѣлъ—
 И мы отчизну погубили!
 Полтавской громъ загрохоталъ...
 Но въ грозной битвѣ Карлъ свирѣпой
 Противъ Петра не устоялъ!
 Разбить, впервые онъ бѣжалъ;
 Во слѣдъ ему—и мы съ Мазепой.

«Почти безъ отдыха пять дней
 Бѣжали мы среди степей,
 Боясь вражеской погони;
 Уже измученные кони
 Служить отказывались намъ

Дрожа отъ стужи по ночамъ,
 Изнемогая въ день отъ зноя,
 Едва сидѣли мы верхомъ...
 Однажды въ полночь подъ лѣскомъ,
 Мы для минутнаго покоя
 Остановились за Днѣпромъ.
 Вокругъ снѣла степь глухая,
 Луну затмили облака,
 И тишину перерывая,
 Шумѣла въ берегахъ рѣка.
 На войлокѣ простомъ и грубомъ,
 Главою на сѣдло склоненъ,
 Усталый Карлъ дремалъ подъ дубомъ,
 Толпами ратныхъ окруженъ.
 Мазепа подъ костромъ сосновымъ.
 Вдали, на почернѣвшемъ пнѣ,
 Сидѣлъ въ глубокой тишинѣ,
 И съ видомъ мрачнымъ и суровымъ,
 Какъ другу отрывался мнѣ:

— «О какъ невѣрны наши блага!
 О какъ подвластны мы судьбѣ!
 Вотще въ душахъ кипитъ отвага:
 Уже насталъ конецъ борьбѣ.
 Одно мгновенье все рѣшило,
 Одно мгновенье погубило
 На вѣкъ страны моей родной
 Свободу, славу и покой!...
 Но мнѣ-ли духомъ унижаться,
 Не буду рока я рабомъ;
 И мнѣ ли съ рокомъ не ержаться,
 Когда сражался я съ Петромъ?
 Такъ, Войнаровскій, испытаю,
 Покуда длится жизнь моя,
 Всѣ способы, всѣ средства я,
 Чтобы помочь родному краю.
 Спокоенъ я въ душѣ своей;
 И Петръ и я—мы оба правы;
 Какъ онъ, и я живу для славы.
 Для блага родины моей!»—
 Замолкнулъ онъ; глаза сверкали;
 Дивился я его уму;
 Дрова треща ужъ догорали.
 Мазепа легъ; но вдругъ къ нему
 Двухъ плѣнныхъ казаки примчали.
 Облокотясь, вождь сѣдой,
 Волнуемъ тайно мрачной думой,
 Спросилъ, взглянувъ на нихъ угрюмо:
 «Что новаго въ странѣ родной?»—

«Я изъ Батурина недавно,—
 Одинъ изъ плѣнныхъ отвѣчалъ,—
 Народъ Петра благословлялъ,
 И радуясь побѣдѣ славной,
 На стогнахъ шумно пировалъ;
 Тебя-жь, Мазепа, какъ Іуду,
 Клянуть украинцы повсюду;
 Дворецъ твой, взятый на коньѣ,
 Былъ преданъ намъ на расхищенье,
 И ния славное твое
 Теперь—и брань и поношенья!»

«Въ отвѣтъ, склонивъ на грудь главу,
 Мазепа горько улыбнулся;
 Прилегъ, безмолвный, на траву
 И въ плащъ широкій завернулся.
 Мы всѣ съ участіемъ живымъ,
 За гетмана пылая мезею,
 Стояли молча передъ нимъ,
 Поражены ужасной вѣстью.
 Онъ приковалъ къ себѣ сердца:
 Мы въ немъ главу народа чтили.
 Мы обожали въ немъ отца,
 Мы въ немъ отечество любили.
 Не знаю я, хотѣлъ ли онъ
 Спасити отъ бѣды народъ Украйны,
 Иль въ ней себѣ воздвигнуть тронъ,—
 Мнѣ гетманъ не открылъ сей тайны.
 Бо праву хитраго вождя
 Успѣлъ я въ десять лѣтъ привыкнуть;
 Но никогда не въ силахъ я
 Былъ замысловъ его проникнуть.
 Онъ скрытенъ былъ отъ юныхъ дней,
 И, странникъ, повторю: не знаю,
 Что въ глубинѣ души своей
 Готовилъ онъ родному краю.
 Но знаю то, что затая
 Родство, и дружбу, и природу,
 Его сразилъ бы первый я,
 Когда-бъ онъ сталъ врагомъ народу.»

«Съ разсвѣтомъ дня мы снова въ путь
 Помчались по степи унылой.
 Какъ тяжело взволновалась грудь,
 Какъ сердце юное заняло,
 Когда рубежъ страны родной
 Узрѣли мы передъ собой!»

«Въ волненья чувствъ, тоской томимый,

Я какъ ребенокъ зарыдалъ,
И взявши горсть земли родимой,
Къ кресту съ молитвой привязалъ.
Быть можетъ—думалъ я, рыдая—
Украины мнѣ ужъ не видать!
Хоть ты, земля родного края,
Меня въ чужбинѣ утѣшая,
Отъ грусти будешь врачевать,
Отчизну мнѣ напоминая...

«Увы! предчувствіе сбылось:
Судьбы величьемъ самовластной,
Съ тѣхъ поръ на родинѣ прекрасной
Мнѣ побывать не довелось...

«Въ странѣ глухой, въ странѣ безводной,
Гдѣ только изрѣдка ковыль
По степи стелется безплодной,
Мы мчались, поднимая пыль.
Коней мы вовсе изнурили,
Страдалъ увѣнчанный бѣглецъ,
И съ горстью шведовъ, наконецъ,
Въ Бендеры къ туркамъ мы вступили.
Тутъ въ страшный недугъ гетманъ впалъ;
Онъ непрестанно трепеталъ,
И взглядъ кругомъ бросая быстрой,
Меня и Орлика онъ звалъ,
И задыхаясь, увѣрялъ,
Что Кочубея видать съ Искрой.

— «Вотъ, вотъ они!... при нихъ палачъ!—
Онъ говорилъ, дрожа отъ страху, —
Вотъ ихъ взвели уже на плаху,
Кругомъ стenanія и плачь...
Готовъ ужъ исполнитель муки;
Вотъ засучилъ онъ рукава,
Вотъ взалъ уже сѣкиру въ руки...
Вотъ покатила голова...
И вотъ другая!... всѣ трепещуть!
Смотри, какъ страшно очи блещуть!...»

«То въ ужасѣ, порой, съ одра
Бросался онъ въ мои объятя:
«Я вижу грознаго Петра!
Я слышу страшныя проклятья!
Смотри: блестятъ свѣчами храмъ,
Съ кадилницъ вѣется ошміамъ....
Митрополитъ, грозящій взоромъ,
Такъ возглашаетъ съ громкимъ хоромъ:

Мазепа проклять въ родъ и родъ;
Онъ погубить хотѣлъ народъ!»

«То трепеща и цѣпенѣя,
Онъ часто зрѣлъ въ глухую ночь,
Жену страдальца Кочубея
И обольщенную ихъ дочь.
Въ страданьяхъ сихъ изнемогая,
Молитву громко онъ читалъ;
То горько плакалъ и рыдалъ,
То дивнѣй взглядъ на всѣхъ бросая,
Онъ, какъ безумный, хохоталъ.
То въ память прихода порою,
Онъ очи, полныя тоскою,
На насъ уныло устремлялъ.

«Въ девятый день примѣтно стало
Мазепѣ подъ вечеръ труднѣй;
Изнеможенный и усталый,
Дышалъ онъ рѣже и слабѣй;
Томилъ болѣзнию своей,
Хотѣлъ онъ скрыть, казалось, муку....
Къ нему я бросился, взялъ руку;
Увы! она уже была
И холодна, и тяжела!
Глаза остановясь смотрѣли,
Потъ проступалъ, онъ отходилъ....
Но вдругъ, собравъ остатки силъ,
Онъ приподнялся на постели,
И бросивъ пылкій взглядъ на насъ:
«О Петры! О родина!» — воскликнулъ.
Но съ нимъ въ страдальцѣ замеръ гласъ.
Онъ вновь упалъ, головой поникнулъ,
Въ меня недвижный взоръ вперилъ,
И вздохъ послѣднѣй испустилъ....
Безъ слезъ, безъ чувствъ, какъ мраморъ хладный,
Передъ умершимъ я стоялъ;
Я умъ и память потерялъ,
Убитый грустью безотрадной....

«День грустныхъ похоронъ насталъ:
Самъ Карлъ, и мрачный, и унылый,
Вождя Украйны до могилы
Съ дружиной шведовъ провожалъ.
Казакъ и шведъ равно рыдали;
Я шелъ, какъ тѣнь, въ кругу друзей.
О странникъ! странникъ! всѣ мечтали,
Что мы съ Мазепою погребали
Надежду родины своей.

Увы! послѣдній долгъ герою
 Черезъ силу я отдать успѣлъ.
 Въ тотъ самый день внезапно мною
 Недугъ жестокой овладѣлъ.
 Я былъ ужъ на краю могилы:
 Но жизнь во мнѣ зажглась опять,
 Мои возобновились силы,
 И снова началъ я страдать.

«Бендеры мнѣ противны стали,
 Я ихъ покинулъ и летѣлъ
 Отъ земляковъ въ чужой предѣлъ.
 Разсѣять мракъ своей печали,
 Но, ахъ, напрасно! рокъ за мной
 Съ неотразимою бѣдой,
 Какъ духъ враждующій, стремился:
 Я схваченъ былъ толпой враговъ,
 И въ вѣчной ссылкѣ очутился
 Среди пустынныхъ сихъ лѣсовъ....

«Ужъ много лѣтъ прошло въ изгнаньѣ.
 Въ глухой и дикой сторонѣ
 Спасеніе и упованье
 Была святая вѣра мнѣ.

«Я привыкалъ къ несчастной долѣ;
 Лишь объ Украинѣ и родныхъ,
 Урадкой отъ враговъ моихъ,
 Грустилъ я часто поневолѣ.
 Что стало съ родиной моею?
 Кого въ Петрѣ — врага, или друга
 Она нашла въ судьбѣ своей?
 Гдѣ слезы льетъ моя подруга?
 Увижу-ль я своихъ друзей?
 Такъ я души покой минутной
 Въ своемъ изгнаньи возмущалъ,
 И отъ тоски и думы смутной,
 Покинувъ городъ безпріютной,
 Въ лѣса и дебри убѣгалъ.
 Въ моей тоскѣ, въ моемъ несчастьѣ,
 Мнѣ былъ отраденъ шумъ лѣсовъ,
 Отрадно было мнѣ ненастье,
 И вой грозы, и плескъ валовъ.
 Во время бури заглушала
 Борьба стихій борьбу души;
 Она мнѣ силы возвращала.
 И на мгновеніе, въ глуши,
 Душа страдать переставала.

«Разъ у якутской юрты я
 Стоялъ подь сосной одинокой;
 Буранъ шумѣлъ вокругъ меня
 И свирѣпѣлъ морозъ жестокой;
 Передо мной скалы и лѣсъ
 Грядой тянулись безбрежной;
 Вдали, какъ море, съ степью снѣжной
 Сливался темный сводъ небесъ.
 Отъ юрты вдаль тальникъ кудрявый
 Подъ снѣгомъ стлался, между горъ
 Въ боку былъ видѣтъ черный боръ
 И берегъ Лены величавой.
 Вдругъ вижу: женщина идетъ,
 Дахой убогою прикрыта,
 И связку дровъ едва несетъ,
 Работой и тоской убита.
 Я къ ней, и что же?... Узнаю
 Въ несчастной сей, въ морозъ и вьюгу,
 Казачку юную мою,
 Мою прекрасную подругу!...

«Узнавъ объ участи моей
 Она изъ родины своей,
 Пошла искать меня въ изгнатьѣ.
 О странникъ! тяжело было ей
 Не раздѣлять со мной страданье.
 Встрѣчала много на пути
 Она страдальцевъ знаменитыхъ,
 Но не могла меня найти:
 Увы! я здѣсь въ числѣ забытыхъ.
 Законъ велитъ молчать, кто я,
 Начальникъ самъ того не знаетъ,
 Объ томъ и спрашивать меня
 Никто въ Якутскѣ не дерзаетъ.

«И добрая моя жена,
 Судьбой гонимая жестокой,
 Была блуждать осуждена,
 Тая тоску въ душѣ высокой.

«Ахъ, говорить ли, странникъ мой,
 Тебѣ объ радости печальной
 При встрѣчѣ съ доброю женой
 Въ странѣ глухой, въ странѣ сей дальней?

«Я ожилъ съ нею; но дѣтей
 Я не нашелъ уже при ней:
 Отца и матери страданья
 Имъ не судилъ узнать Творецъ;

Они, не зрѣвъ страны изгнанья,
Вкусили радостный конецъ.

«Съ моей подрутой возвратилось
Душѣ спокойствіе опять;
Мнѣ будто легче становилось;
Я началъ рѣже тосковать.
Но, ахъ! не долго счастье длилось;
Оно, какъ сонъ, исчезло вдругъ.
Давно закравшійся недугъ
Въ младую грудь подруги милой,
Съ весной примѣтно сталъ сближать
Ее съ безвременной могилкой.
Тутъ мнѣ судилъ Творецъ узнать
Всю доброту души прекрасной
Моей страдалицы несчастной.
Богъзнію изнурена,
Съ какой заботою она
Свои страданья скрыть старалась:
Она шутила, улыбалась,
О прежнихъ говорила дняхъ,
О падшемъ дядѣ, о дѣтахъ.
Къ ней жизнь, казалось, возвращалась
Съ порывомъ пылкихъ чувствъ ея;
Но часто, тайно отъ меня,
Она слезами обливалась.
Ей жизнь и силы возвратить
Я небеса молилъ напрасно;
Судьбы ничѣмъ не отвратить.
Насталъ для сердца часъ ужасной!
«Мой другъ! — сказала мнѣ она —
Я умираю, будь покоенъ;
Намъ здѣсь печаль была дана;
Но, другъ, есть лучшая страна:
Ты по душѣ ея достоинъ.
О, тамъ мы свидимся опять!
Тамъ ждетъ награда за страданья,
Тамъ нѣтъ ни казней, ни изгнанья,
Тамъ насъ не будутъ разлучать!»
Она умолкла. Вдругъ примѣтно
Сталъ угасать огонь очей.
И, наконецъ, вздохнувъ сильнѣй,
Она, съ улыбкою привѣтной,
Увяла въ цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
Безвременно, въ Сибири холодной,
Какъ на нѣсохшемъ стеблѣ цвѣтъ
Въ теплицѣ душевной, безотрадной.

«Могильный, грустный холмъ ея

Близъ юрты сей насыпалъ я.
 Съ закатомъ солнца я, порою,
 На немъ въ безмолвіи сижу,
 И чудотворною мечтою
 Лѣта протекшія бужу.
 Все воскресаетъ предо мною:
 Друзья, Мазепа и война,
 И съ чистою своею душою
 Невозвратимая жена.

«О странникъ! память о подругѣ
 Страдальцу бодрость въ душу лить;
 Онъ равнодушнѣй смерти ждетъ
 И плачетъ сладостно о другѣ.

«Какъ часто вспоминаю я
 Надъ хладною ея могилою
 И свойства добрыя ея,
 И пылкій умъ, и образъ милой!
 Съ какою страстію она,
 Высокихъ помысловъ полна,
 Свое отечество любила.
 Съ какою живостью объ немъ
 Въ своемъ изгнаньи роковомъ
 Она со мною говорила!
 Неутолимая печаль
 Ее тягча, снѣдала тайно;
 Ея тоски не зрѣлъ Москва;
 Они ни разу, и случайно,
 Врага страны своей родной
 Порадовать не захотѣла
 Ни тихимъ вздохомъ, ни слезой.
 Она могла, она умѣла
 Гражданкой и супругой быть,
 И жаръ къ добру души прекрасной,
 Въ укоръ судьбинѣ самовластной
 Въ самомъ страданьи сохранить.

.....
 .....
 «Съ утратой сей отъ бѣды усталой,
 Съ душой для счастья увялой,
 Я вѣру въ счастье потерялъ;
 Я много горя испыталъ,
 Но тяжкой жизнью недоволенной,
 Какъ трусъ презрѣнный, не искалъ
 Спасенья въ смерти самовольной.
 Не разъ встрѣчалъ я смерть въ бояхъ;
 Она кругомъ меня ходила

И груды труповъ громоздила
 Въ родныхъ украинскихъ степяхъ.
 Но никогда, ей въ очи глядя,
 Не содрогнулся я душой;
 Не забывалъ, стремяся въ бой,
 Что мнѣ Мазепа другъ и дядя.
 Чтить славныхъ съ дѣтства я привыкъ;
 Защитникъ Рима благородный,
 Душою истинно свободный,
 Дѣлами истинно великъ.
 Но онъ достоинъ укоризны;
 Согражданъ самъ онъ погубилъ:
 Онъ торжество враговъ отчизны
 Самоубійствомъ утвердилъ.
 Ты видишь самъ, какъ я страдаю,
 Какъ жизнь въ изгнаньи тяжела;
 Мнѣ-бъ смерть отрадою была:
 Но жизнь и смерть я презираю....
 Мнѣ надо жить; еще во мнѣ
 Горитъ любовь къ родной странѣ...>

.....
 .....
 Тутъ Войнаровскій замолчалъ;
 Съ лица исчезнулъ мракъ печали,
 Глаза слезами засверкали,
 И онъ молиться тихо сталъ.
 Гость просвѣщенный угадалъ,
 О чемъ страдалецъ сей молился;
 Онъ самъ невольно прослезился,
 И несчастливцу руку далъ,
 Въ душѣ съ тоской и грустью сильной,
 Въ знакъ дружбы вѣрной, домогильной....

Дни уходили съ быстротой.
 Зима обратно налетѣла
 И хладною рукой одѣла
 Природу въ саванъ снѣговой.

Въ пустынѣ странникъ просвѣщенной
 Страдальца часто навѣщалъ,
 Тоску и грусть съ нимъ раздѣлялъ,
 И объ Украинѣ незабвенной,
 Какъ сынъ Украины, онъ мечталъ.

Однажды онъ въ уединеньѣ
 Съ отрадной вѣстью о прощеньѣ
 Къ страдальцу-другу поспѣшалъ.
 Морозъ трещалъ. Глухой тропею

Олень пернатою стрѣлою
Его на быстрой нартѣ мчалъ.
Уже онъ ловить жаднымъ взоромъ
Сквозь вѣтви древъ, въ глуши лѣсной,
Кровь одиновою и простой
Съ полуразрушеннымъ заборомъ.

«Съ какимъ восторгомъ сладкимъ я
Слажу: окончены страданья!
Мой другъ, покинь страну изгнанья!
Лети въ родимыя края!
Тамъ ждутъ тебя, въ странѣ прекрасной,
Благословенья земляковъ,
И кругъ друзей съ душою ясной
И мирный домъ твоихъ отцовъ!»
Такъ добрый Миллеръ предавался
Дорогой сладостнымъ мечтамъ.
Но вотъ онъ къ низкимъ воротамъ
Пустынной хижины примчался.
Никто встрѣчать его нейдетъ.
Онъ входитъ въ двери. Лучъ привѣтной
Сквозь занесенный снѣгомъ ледъ
Украдкой свѣтъ угрюмый льетъ:
Всѣ пусто въ юртѣ безответной;
Лишь мракъ и холодъ въ ней живетъ.
«Всѣ въ заустѣни!—мыслишь страннее,—
Кудажъ сокрылся ты, изгнанникъ?»
И душой мрачною отягченъ,
Тревожимъ тайною тоскою,
Идетъ на холмъ могильный онъ —
И что же видитъ предъ собою?

Подъ наклонившимся крестомъ,
Съ опущеннымъ на грудь челою,
Какъ грустный памятникъ могилы,
Изгнанникъ мрачный и унылый
Сидитъ на холмѣ гробовомъ
Въ оцѣпенѣнныя роковыя:
Въ глазахъ недвижныхъ хладъ кончины,
Какъ мраморъ доснитъ чело,
И отъ соседственной долины
Ужъ мертвеца до половины
Пушистымъ снѣгомъ занесло.

К О Н Е Ц Ъ .

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Черновые наброски „Войнаровскаго“.

Приведа полную поэму „Войнаровский“, остановимся на черновых наброскахъ ея ¹⁾. Они всѣ написаны рукою Рыгѣва и, судя по незначительнымъ помаркамъ, представляютъ одну изъ послѣднихъ редакцій. Сначала въ заглавіи было написано: „Ссылный“. (Отрывокъ изъ поэмы); потомъ это зачеркнуто и поэма озаглавлена: „Войнаровский“. Часть первая.

Такъ какъ полный, исправленный текстъ поэмы передъ глазами читателей, то не дѣлая особыхъ подстрочныхъ примѣчаній, мы только отмѣчаемъ особымъ шрифтомъ тѣ стихи и слова, которые разнятся отъ напечатанныхъ выше, а подъ строками ограничиваемся указаніемъ зачеркнутыхъ или измѣненныхъ стиховъ и словъ черновой редакціи.

Вотъ самый текстъ:

Въ странѣ метелей и снѣговъ,
На берегу широкой Лены,
Чернѣетъ длинный рядъ домовъ,
И юртъ бревенчатая ²⁾ стѣны.
Кругомъ высокая частоколь
Поднялся изъ снѣговъ глубовихъ,
И съ высоты ³⁾ на дикій долъ
Глядятъ верхи церквей высокихъ.
Вдали шумить сосновый боръ,
Бѣлѣютъ снѣжныя равнины,
И таютъ высокихъ горъ
Разнообразныя вершины....

Всегда сурова и дика
Сихъ странъ угрюмая природа;
Реветь сердитая рѣка,
Бушуетъ съ вѣтромъ непогода,
И часто ⁴⁾ мрачны облака...

¹⁾ Считаемо не лишнимъ напомнить, что рукописи нынѣ печатаемыя, принадлежатъ къ той коллекціи подлинныхъ бумагъ Рыгѣва, которая сохранилась у Ѳ. В. Булгарина и весьма обязательно предоставлена въ наше распоряженіе его сыновьями Б. Ѳ. и В. Ѳ. при посредствѣ Т. А. Сосновскаго. Изъ этого собранія произведеній поэта—нѣкоторыя стихотворенія помѣщены въ № 1 «Русской Старины» 1871 года. П. А. Ефремовъ привелъ эти бумаги въ порядокъ и обставилъ ихъ библиографическими и прочими примѣчаніями.

Ред.

²⁾ Было: «берестяныя». ³⁾ «Съ гордостью». ⁴⁾ «Вѣчно».

Никто страны сей безотрадной,
 Обширной узниковъ тюрьмы,
 Не посѣтитъ, боясь зимы,
 И продолжительной, и холодной.
 Однообразно дни ведетъ
 Якутска житель одичалой;
 Лишь разъ или дважды въ круглый годъ
 Съ толпой преступниковъ усталой
 Дружина ¹⁾ воиновъ придетъ.
 Или за якутскими мѣхами
 Изъ ближнихъ и далекихъ странъ
 Заходить ²⁾ съ русскими вущами
 Въ забытый городъ караванъ.
 На мигъ въ то время оживится
 Якутскъ унылый и глухой;
 Все зашумитъ, засуетится;
 Народы разные толпой:
 Якутъ и ювагирь пустынной,
 Неся богатый свой асакъ,
 Тунгузъ, корякъ, и съ пивой длинной
 Сибирскій строевой казакъ...

Тогда зима на мигъ единый
 Отъ мѣстъ угрюмыхъ отлетитъ.
 Безмолвный лѣсъ заговоритъ,
 И чрезъ зеленыя долины
 По камнямъ Лена зашумитъ.
 Такъ посѣщаетъ въ подземельѣ
 Почти убитого тоской,
 Страдальца-узника порой
 Души минутное веселье.
 Такъ въ душу мрачную влетитъ
 Подъ-часъ спокойствіе ошибкой
 И принужденною улыбкой
 Чело злодѣя ³⁾ прояснить...
 Во времена-жъ иныя года
 Все мертво въ сей странѣ глухой,
 Какъ грозная ея природа,
 Мертва жестокою зимой.

Но кто украдкою изъ дому
 Идетъ столь раннею порой
 По берегу рѣки крутому
 Съ винтовкой длинной за спиной.
 Въ полукафтаньи, въ шапкѣ черной
 И перетянуть кушакомъ,

¹⁾ «Команда». ²⁾ «Приходить». ³⁾ «Тирана». Слѣдующіе же за этимъ 4 стиха въ рукописи зачеркнуты.

Какъ странъ Днѣпра казакъ проворный
 Въ своемъ нарядѣ боевомъ. ¹⁾
 Взоръ безпокойный и угрюмый,
 Въ чертахъ суровость и тоска,
 И на челѣ его слегка
 Тревожныя рисуется думы
 Судьбы враждующей рука.
 Вотъ къ западу простеръ онъ руки;
 Въ глазахъ вдругъ пламень засверкалъ,
 И съ видомъ нестерпимой муки
 Въ волненіи сильномъ онъ сказалъ:

«О край родной, поля родныя,
 Мнѣ васъ ужъ болѣ не видать!
 Васъ, гробы праотцевъ святыя,
 Изгнаннику не обнимать!
 Горитъ напрасно пламень пылкій;
 Я не могу полезнымъ ²⁾ быть,
 Средь дальней и позорной ссылки
 Мнѣ суждено въ тоскѣ изныть!
 О край родной, поля родныя,
 Мнѣ васъ ужъ болѣ не видать!
 Васъ, гробы праотцевъ святыя,
 Изгнаннику не обнимать!»

Сказалъ; пошелъ по косогору;
 Едва примѣтною тропой
 Поворотилъ къ сырому бору,
 И вотъ исчезъ въ глуши лѣсной...
 Кто слышный сей, никто не знаетъ;
 Давно въ страну изгнанья онъ,
 Молва стоустая вѣщаетъ,
 Въ кибиткѣ крытой привезенъ.
 Улыбки не видать привѣтной
 На незнакомцѣ никогда,
 И послѣднѣи ужъ примѣтно
 Его и усы и борода.
 Онъ не варнакъ; смотри: не видно
 Печати роковой на немъ,
 Для челоуѣчества постыдной
 Рукою дерзкой и безстыдной ³⁾
 Въ чело ⁴⁾ вклеянной палачемъ.
 Но видъ его суровѣи вдвое,
 Чѣмъ дикій видъ чела съ клеймомъ:
 Покоенъ онъ; но такъ въ покоѣ

¹⁾ «Щегольскомъ». ²⁾ Это слово подчеркнуто въ рукописи и сбоку поставлено NB. ³⁾ Два стиха очеркнуты кругомъ, а послѣдній вовсе зачеркнутъ, въ предыдущемъ же первоначально было: «обидной», вмѣсто «постыдной». ⁴⁾ «Въ лицо».

Байкаль предъ бурей мрачнымъ днемъ!
 Какъ въ часъ глухой и мрачной ночи,
 Когда за тучей мѣсяцъ спитъ,
 Могильный огонекъ горитъ,—
 Такъ незнакомца блещутъ очи.
 Всегда дичится и молчитъ;
 Одинъ, какъ отчужденный, бродитъ;
 Ни съ кѣмъ знакомства не заводитъ;
 На всѣхъ сурово онъ ¹⁾ глядитъ...

Въ странѣ той холодной и дубравной
 Въ то время жилъ нашъ Миллеръ славной;
 Въ укромномъ домикѣ, въ глуши,
 Работалъ для вѣковъ въ тиши,
 Съ судьбой боролся своеправной,
 И жажду утолялъ души.
 Изъ родины своей далекой,
 Въ сей край пустынный привлеченъ
 Къ познаванью страстию высокой,
 Здѣсь наблюдалъ природу онъ.
 Въ часы суровой непогоды
 Любилъ рассказы стариковъ
 Про Ермака и казаковъ,
 Про ихъ отважные походы
 По царству хлада и снѣговъ.
 Какъ часто вышедши изъ дому,
 Бродилъ по цѣлымъ онъ часамъ
 По океану снѣговому,
 Или по дебрямъ и горамъ. ²⁾
 Все для пришельца было ново:
 Природы дикой красота,
 Климатъ жестокой и суровой,
 И дикихъ нравовъ простота.

Однажды онъ въ морозъ трескучій
 Оленя гнавъ съ сибирскимъ псомъ,
 Вбѣжалъ на лыжахъ въ лѣсъ дремучій...
 И мракъ и тишина кругомъ!
 Повсюду сосны вѣковыя
 Иль едры въ инеѣ сѣдомъ;
 Сплелися вѣтви ихъ густыя
 Непроницаемымъ шатромъ.
 Не видно изъ лѣсу дороги...
 Черезъ хворостъ, кочки и снѣга
 Олень несется быстроногій,
 Закинувъ на спину рога.

¹⁾ «Съ суровостью». ²⁾ Въ бѣловой рукописи здѣсь прибавлено 4 стиха, вошедшихъ и въ печатное изданіе.

Вдали, межъ соснами, мелькаетъ;
Летить... Вдругъ выстрѣлы... Быстрый бѣгъ
Олень внезапно прерываетъ...
Вотъ зашатался—и на снѣгъ,
Окровавленный, упадаетъ...

Смущенный Миллеръ робкій взоръ
Туда, гдѣ палъ олень, бросаетъ
Сквозь чащу, вѣтви, дичь и боръ;
И зрить, къ оленю подбѣгаетъ
Съ винтовкой длинною въ рукѣ,
Окутанный даждю черной
И въ длинноперстномъ чебакѣ,
Охотникъ ловкой и проворной.
То слыльный былъ. Тутъ Миллеръ съ нимъ,
Въ глуши подъ кедромъ вѣковымъ,
Тогда увидѣлся впервые... ¹⁾.

„Они познакомились. Неизвѣстный выводитъ Миллера изъ лѣсу; угощаетъ его въ своей хижинѣ. Видъ, слова и благородство мыслей и чувствъ слыснаго возбуждаютъ въ Миллерѣ любопытство узнать его покороче—и слыльный, убѣжденный имъ, по нѣкоторомъ сопротивленіи, открывается, что онъ Войнаровскийъ, другъ и родственникъ Мазепы и продолжаетъ ²⁾“:

Рожденный съ пылкою душой,
Съ надеждой быть полезнымъ краю,
Съ надеждой славиться войной,
Я бесполезно изнываю
Въ странѣ угрюмой и глухой.
Какъ тѣнь вездѣ тоска за мною;
Ужъ гаснетъ огонь моихъ очей,
И таю я, какъ ледъ весною
Отъ распалющихся лучей.
Душѣ честолюбивой—бремя
Вести съ бездѣйствіемъ борьбу;
Но какъ ужасно знать до время
Свою ужасную судьбу:
Судьбу—всю жизнь влача въ кручинѣ ³⁾

То слыльный былъ. Суровый взглядъ,
Вооруженье и нарядъ,

¹⁾ Три послѣднихъ стиха зачеркнуты, равно какъ и все слѣдующее изложеніе, помѣщенное у насъ между чертами, до словъ «въ кручинѣ». ²⁾ Было: «Онъ продолжаетъ». ³⁾ Продолженіе въ листѣ оторвано. Новый полулистъ начинается стихомъ: «То слыльный былъ» и проч.

И незнакомца видъ унылой,
 Все душу странника страшило.
 Но трепеща въ глуши лѣсной
 Блуждать одинъ, путей не зная,
 Преодолѣлъ онъ ужасъ свой,
 И быстрой полетѣлъ стрѣлой,
 Бѣгъ къ незнакомцу направляя.

«Кто-бъ ни былъ ты,—онъ такъ вѣщалъ,—
 Будь мнѣ вожакомъ, ради Бога;
 Гнавъ звѣря, я съ тропы ¹⁾ сбѣжалъ,
 И въ глушь нечаянно попалъ;
 Скажи, гдѣ на Якутскъ дорога?»
 — «Она осталась за тобой
 Верста за пятнадцать или поболѣ; ²⁾
 Кругомъ все дичь и лѣсъ густой,
 И врядъ-ли до ночи глухой
 Успѣешь выбраться ты въ поле.
 Уже вечерняя пора;
 Но близко мой замокъ скудной.
 Пойдемъ. Тамъ въ юртѣ до утра,
 Ты отдохнешь съ охоты трудной». ³⁾

Они пошли. Все глуше лѣсъ,
 Все рѣже видѣнъ сводъ небесъ...
 Сокрылось солнце золотое:
 Настала ночь. Вотъ ⁴⁾ мѣсяцъ всплылъ
 На небо мрачно-голубое;
 Вотъ лѣсъ дремучій осребрилъ,
 И юрту путникамъ открылъ...
 Пришли—и слышный торопливо
 Вошедъ въ угрюмый свой пріютъ
 Вдругъ сталъ стучать кремнемъ въ огниво
 И искры сыпались на трутъ, ⁵⁾
 Мракъ освѣщая молчаливой.
 И каждый въ сталь ударъ кремня—
 Въ углу обители пустынной

¹⁾ «Стези». ²⁾ «Верста за десять или поболѣ». ³⁾ Четыре послѣднихъ стиха были написаны прежде:

Близка ужъ вечера пора;
 Недалекъ мой кровъ убогой;
 Иди за мной; въ немъ до утра
 Ты отдохнешь хотя немного.

⁴⁾ «Вдругъ». ⁵⁾ Въмѣсто четырехъ послѣднихъ стиховъ было:
 Пришли—и слышный торопливо
 Вошедъ въ угрюмый свой пріютъ
 Вдругъ сталъ стучать кремнемъ въ огниво
 И тонкою струей на трутъ
 Посыпалися искры живо.

То дуло озарялъ ружья
 То лезвіе палёмы длинной,
 То саблю, то конецъ копыа...
 Глазь съ незнакомца неспуская,
 Близъ двери Миллеръ передъ нимъ,
 Въ душѣ свой тайный страхъ скрывая,
 Стоитъ и нѣмъ и недвижимъ.

Вотъ вздувъ огонь, пришлецъ суровый
 Проворно жирникъ засвѣтилъ,
 Печурку, молча, затопилъ,
 Скамью придвинулъ, столъ сосновый
 Простою скатерью накрылъ.
 И съ лаской гостя посадилъ.
 И вотъ за трапезою сытной,
 Въ хозяина вперяя взоръ,
 Заводитъ странникъ любопытный
 Съ нимъ о Сибири разговоръ.
 Съ отвѣтомъ каждымъ становилась
 Ихъ рѣчь живѣе и живѣй,
 И вдругъ, нечаянно склонилась
 Къ судьбѣ народовъ и царей...
 Въ какое Миллеръ удивленье
 Былъ незнакомцемъ приведенъ!
 И кто-бы не былъ пораженъ?
 Странъ европейскихъ просвѣщенье
 Въ лѣсахъ сибирскихъ встрѣтилъ онъ!
 Простая съ родной своей страной.
 Два года Миллеръ самъ съ собою
 Подъ-часъ бесѣдовалъ въ глуши;
 Но тутъ—въ пустынь отдаленной
 Впервые онъ тоску души
 Отвелъ бесѣдой просвѣщенной.

Четыре стиха: „Съ отвѣтомъ“ и проч. зачеркнуты, равно какъ и 6 послѣднихъ, которые въ печати явились уже въ исправленномъ видѣ.

II.

Замѣтка объ изданіяхъ Войнаровскаго.

Печатное изданіе „Войнаровскаго“ вышло въ Москвѣ, въ первой половинѣ 1825 года. Печаталось оно въ типографіи С. Селивановскаго и процензуровано было еще въ январѣ мѣсяцѣ того года. Позволяемъ себѣ, ради курьеза, привести тотъ длинный паспортъ, которымъ во времена оны цензурное вѣдомство снабжало выпускаема въ свѣтъ изданія и который, на нашихъ глазахъ, все болѣе и

болѣе сокращался, пока не обратился наконецъ въ одну строчку: „одобрено цензурою“, а потомъ: „дозволено цензурою“; строчку, наконецъ вовсе исчезнувшую съ изданій болѣе тѣмъ въ 10-ть печатныхъ листовъ. Вотъ что напечатано на изданіи поэмы Рылѣва: „Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были въ цензурный комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для цензурнаго комитета, другой для департамента министерства народнаго просвѣщенія, два экземпляра для императорской публичной бібліотеки и одинъ для императорской академіи наукъ. Москва, 1825 года генваря 8 дня. Сію рукопись разсматривалъ экстра-ординарный профессоръ, надворный совѣтникъ Николай Бекетовъ“.

Поэма Рылѣва напечатана въ 8 д. л. и весь текстъ занимаетъ XXIV и 64 страницы. Изъ нихъ на III-й стр. помѣщено посвященіе „А. А. Бестужеву“, а на V-й—коротенькое предисловіе, объясняющее (повидимому болѣе для цензора) смыслъ поэмы: „Можетъ быть читатели удивятся противоположности характера Мазепы, выведеннаго поэтомъ и изображеннаго историкомъ. Считаемо за нужное напомнить, что въ поэмѣ самъ Мазепа описываетъ свое состояніе и представляетъ оное, можетъ быть, въ лучшихъ краскахъ; но неумолимое потомство и справедливые историки являютъ его въ настоящемъ видѣ: и могло-ли быть иначе?.. Для исполненія своихъ самолюбивыхъ видовъ онъ употреблялъ всѣ средства убѣжденія. — Желая преклонить Войнаровскаго, своего племянника, онъ прельщалъ его краснорѣчивыми разсказами и завлекъ его по неопытности въ войну противъ великаго государя, — но истина восторжествовала и Провидѣніе наказало измѣнника“.

VI—XVII стр. заняты „жизнеописаніемъ Мазепы“, которое составлено А. Корниловичемъ, человѣкомъ близкимъ Рылѣву по своимъ убѣжденіямъ, извѣстнымъ издателемъ перваго сборника, спеціально посвященнаго изслѣдованіямъ по русской исторіи XVIII ст. и археологіи, явившагося подъ именемъ „Русской Старины“. Жизнеописаніе это довольно кратко и состоя изъ общеизвѣстныхъ фактовъ, теперь уже не имѣетъ историческаго значенія. Непосредственно за нимъ (стр. XVIII—XXIV) слѣдуетъ „жизнеописаніе Войнаровскаго“, составленное А. А. Бестужевымъ, которое мы привели въ своемъ мѣстѣ, какъ необходимое для знакомства съ малоизвѣстной личностью героя поэмы.

Текстъ самой поэмы занимаетъ 50 страницъ, а послѣднія 14 стр. заняты примѣчаніями къ ней.

Цензурою 1825 г., повидимому, было исключено только три стиха, вза-

мѣтъ которыхъ поставлены точки *); въ дѣйствительности же было исключено пять стиховъ, но два пропуска не были вовсе обозначены и указаніемъ на нихъ служилъ только недостатокъ приемъ въ напечатанныхъ стихахъ **). Подъ строками сдѣлано было нѣсколько очень „наивныхъ“ примѣчаній, не вошедшихъ въ наше изданіе, потому что ихъ нѣтъ въ рукописи и потому что самъ Рылѣевъ, въ письмѣ къ А. С. Пушкину, объясняетъ происхождение ихъ цензурными условіями, поясняя также, что и ходатайство о прощеніи Войнаровскаго возложено было имъ на Миллера единственно для цензора (см. окончаніе поэмы: „съ отрадной вѣстью о прощеніи“ и пр.). Для образчика этихъ „подстрочныхъ“ примѣчаній укажемъ на одно. Мазепа говоритъ:

«И Петръ и я—мы оба правы»,

потому что живемъ для славы и для пользы своей родины; а подъ строкою замѣчено: „Это голосъ безразсуднаго отчаянія Мазепы, разбитаго подъ Полтавою. Удивительна дерзость, сравнивать себя съ Петромъ.“ Удивительное примѣчаніе! скажемъ мы и порадуемся, что нынѣ печать отчасти избавлена отъ необходимости прибѣгать къ подобнымъ поясненіямъ.

Дополнительныя примѣчанія въ концѣ поэмы напечатаны только къ первой части ея. Во второй части также 11 стиховъ отмѣчены цифрами для указанія примѣчаній; но ихъ нѣтъ ни въ печати, ни въ одномъ изъ множества (въ буквальномъ смыслѣ этого слова) обращающихся доннѣ въ рукописи списковъ поэмы. Можетъ быть, слѣша окончаніемъ печатанія книги, Рылѣевъ не хотѣлъ задерживать ее составленіемъ примѣчаній, или можетъ быть они не были напечатаны единственно для ускоренія выпуска книги изъ типографіи.

Всѣхъ примѣчаній къ 1-й части напечатано 18 номеровъ. Мы не приводимъ ихъ вполнѣ, потому что ихъ нѣтъ въ нашихъ рукописяхъ ***) и потому что многія изъ словъ, требовавшихъ въ то время

*) Въ концѣ поэмы еще въ двухъ мѣстахъ поставлены точки, но это сдѣлано самимъ авторомъ. П. Ш.

**) Впрочемъ, вообще говоря, «Войнаровскій» пострадалъ въ 1825 году отъ цензурныхъ прижимовъ немного. Этому онъ обязанъ, какъ намъ рассказывали, Петру Александровичу Муханову († 1854 г.), одному изъ благороднѣйшихъ и образованныхъ людей того времени. Мухановъ живо интересовался отечественною литературою, много самъ для нея работалъ—и плѣнясь поэтическими красотами «Войнаровскаго», употребилъ всѣ старанія, чтобъ провести его сквозь цензурныя колоды. Ред.

***) Въ нашемъ собраніи рукописей есть нѣсколько списковъ «Войнаровскаго»; изъ нихъ особенно красиво и тщательно написанъ тотъ, который соощенъ намъ М. В. Кюхельбекеромъ. Ред.

подробнаго объясненія, теперь ужъ въ этомъ не нуждаются. Сдѣлаемъ только небольшое исчисленіе ихъ.

Пояснены были примѣчаніями слѣдующіе стихи:

1) И юртъ бревенчатыя стѣны. Юрта—жилище дивихъ сибирскихъ обывателей и пр. 2) Неся богатый свой ясакъ. Ясакъ—подать мѣхами съ сибирскихъ народовъ. 3) Онъ не варнакъ. Варнакъ—публично-наказанный и заклеименный преступникъ. 4) Байкаль предъ бурей. Байкаль—святое озеро; съ подробнымъ географическимъ описаніемъ. 5) Въ то время жилъ нашъ Миллеръ славной. Миллеръ—довольно обширная и полная біографія (стр. 52—58). 6) Окутанный дахою черной. Даха—шуба вверхъ шерстью изъ шкуры дикой козы. 7) И въ длиношерстномъ чебагѣ. Чебакъ—большая теплая шапка съ ушами. 8) Но мы вблизи займки скудной. Займка—загородный домъ съ огородамъ, родъ дачи. 9) То ратовище пальмы длинной. Пальма—длинный, широкій и толстый ножъ, укрѣпленный въ березовыхъ ратовищахъ, обшитыхъ кожею, съ которыми охотятся на лосей, медвѣдей и пр. 10) Проворно жирникъ засвѣтилъ. Жирникъ—ночникъ съ масломъ или жиромъ. 11) Примѣч. къ стиху: „И другъ и родственникъ Мазены“ пропущено. Замѣтимъ, что нумерація печатныхъ примѣчаній сбита и послѣ 5-го (о Миллерѣ) назначено 7-е („Даха“). Съ 12-го, за пропускомъ 11-го, они сравниваются съ указаніями текста. 12) Я часто за Палѣемъ вслѣдъ. Палѣй—приведены историко-біографическія свѣдѣнія о немъ и о гетманѣ Самусѣ. 13) Съ ватагой храбрыхъ гайдамаковъ. Ватага—малоросс. слово—толпа, шайка и пр. 14) Гайдамакъ—удалецъ или же разбойникъ, собственно татарское слово—означающее бродягу или бѣглеца. 15) И малой горстью толокна. Толокно—мука изъ пересушеннаго овса, причемъ объяснено еще слово кулишь, кошь и вареніе кашицы въ походахъ, а потомъ на чумакованьи. 16) Ужъ хутора вдали мелькали. Хуторъ—деревушка или даже домъ всторонѣ отъ жилыхъ мѣстъ. 17) Ужъ въ куреняхъ я зрѣлъ огонь. Курень—хижина или землянка, въ каихъ и понинѣ еще живутъ многіе черноморскіе казаки; нѣсколько куреней состояли прежде подъ вѣдѣніемъ особаго старшины, куреннаго. 18) Одинъ, вблизи степной могилы. Курганы—высокія земляныя насыпи, служившія общими могилами на мѣстахъ сшибокъ малороссовъ съ татарами и поляками.

Вотъ сущность всѣхъ напечатанныхъ примѣчаній. Но въ самомъ текстѣ отмѣчено еще 4 стиха, къ которымъ примѣчанія не напечатаны. Мы перечислимъ и эти стихи, вмѣстѣ съ отмѣченными во 2-й части: 19) Могила уныло съ вѣтромъ говорила; 20) Надъ мною хищный вранъ леталъ; 21) И зрю: покрытая серпяномъ; 22) пропущенъ; 23) Ужъ

близокъ часъ, близка борьба. Во 2-й части. 1) Морозъ стрѣлялъ въ глуши дубравы; 2) Едва на окна ледяныя; 3) Для пользы родины моей; 4) Теперь и брань и поношенье; 5) Когда-бъ онъ сталъ врагомъ народу; 6) Отчизну мнѣ напоминая; 7) Тутъ въ страшный недугъ гетманъ вналь; 8) Онъ погубить хотѣлъ народъ; 9) пропущено; 10) Не раздѣлять со мной страданье; 11) Его на быстрой картѣ мчалъ.

Выше мы сказали, что до сихъ поръ распространены во множествѣ списки „Войнаровскаго“ *), но забыли упомянуть, что списки эти относятся исключительно къ концу 20-хъ и началу 30-хъ годовъ. Это показывается, съ какой жадностью читалась тогда поэма и конечно не изъ участія къ печальной судьбѣ поэта, а благодаря достоинствамъ самой поэмы, представляющей весьма крупное явленіе въ русской литературѣ того времени. Даже Пушкинъ, довольно неблагосклонно относившійся къ стихамъ Рылѣева, осыпалъ похвалами поэму „Войнаровский“, причѣмъ сдѣлалъ нѣсколько критическихъ замѣтокъ относительно нѣкоторыхъ стиховъ въ поэмѣ. Вотъ что, между прочимъ, отвѣчалъ на нихъ Рылѣевъ:

„Очень радъ, что Войнаровский поправился тебѣ. Въ этомъ же родѣ я началъ Наливайку и составляю планъ для Хмельницкаго. Послѣдняго хочу сдѣлать въ шести пѣсняхъ: иначе не все выскажешь“.... (12 янв. 1825 г.).

„Благодарю тебя, милый чародѣй,—пишетъ Рылѣевъ въ другомъ письмѣ къ Пушкину:—за твои прямодушныя замѣчанія на Войнаровскаго. Ты во многомъ правъ совершенно; особенно говоря о Миллерѣ. Онъ точно истуканъ. Это важная ошибка; она вовлекла меня и въ другія. Вложивъ въ него вѣрноподданническія филиппики за нашего великаго Петра, я бы не имѣлъ надобности прибѣгать къ хитростямъ и говорить за Войнаровскаго для Бирюкова **). Впрочемъ поправлять не намѣренъ; это ужасно несносно для такого гнѣтня, какъ я; лучше написать что нибудь новое.....

„Еще обнимаю тебя за твои примѣчанія...“

„.... Думаю,—замѣчаетъ Рылѣевъ въ письмѣ отъ 10 марта 1825 г. къ Пушкину:—что ты получилъ уже изъ Москвы Войнаровскаго. По нѣкоторымъ мѣстамъ ты догадаешься, что онъ нѣсколько оципанъ. Дѣлать нечего. Суди, но не кляни....“

„Чуть не забылъ о концѣ твоего письма. Ты великій льстецъ—

*) Такое обиліе списковъ мы встрѣчали, кромѣ «Войнаровскаго», только для первыхъ четырехъ главъ «Евгенія Онѣгина».

***) Цензоръ.

вотъ все, что могу сказать тебѣ на твое мнѣніе о моихъ поэмкахъ. Ты всегда останешься моимъ учителемъ въ языкѣ стихотворномъ...“

Изъ этихъ отвѣтовъ ясно видно, на что именно обратилъ вниманіе Пушкинъ, напр. отчего нѣтъ хвалы Петру Великому въ устахъ Миллера; но для насъ совершенно непонятенъ общій выводъ, къ которому пришелъ Пушкинъ о Мазепѣ: „Однако-жъ какой отвратительный предметъ! Ни одного благосклоннаго чувства! Ни одной утѣшительной черты! Соблазнъ, вражда, измѣна, лукавство, малодушіе, свирѣлость...“ (Соч. Пушкина, IV, 531). Отзывъ этотъ явился уже по кончинѣ Рылъева.

П. А. Ефремовъ.

Въ заключеніе этой замѣтки считаемъ необходимымъ сказать, что изданіе „Войнаровскаго“ 1825 г. не единственное *). Тридцать лѣтъ спустя по выходѣ его въ свѣтъ появились новыя изданія этой прекрасной поэмы. Вотъ они:

Войнаровскій. Поэма К. Рылъева. Берлинъ. Въ типографіи К. Шульцъ; 1857. (Въ малую осьмушку).

То же. Изданіе второе. Берлинъ. Въ типографіи Тровича и сына. 1857. (Въ 8-ю д. л.).

Сочиненія К. Рылъева. Берлинъ. Въ типографіи Петца, въ Наумбургѣ. 1860 г. (Въ 8-ю д. л.). Войнаровскій напечатанъ въ этомъ изданіи безъ предисловія и примѣчаній, помѣщенныхъ въ изданіи 1825 г.

Думы. Стихотворенія К. Рылъева. Лондонъ. Въ типографіи Свентославскаго 1860 г. (Въ 32-ю д. л.). Это изданіе есть подстрочная перепечатка изданія 1825 г.

Полное собраніе сочиненій К. О. Рылъева. Лейпцигъ. (Въ 8-ю д. л.) 1861 г. Войнаровскій помѣщенъ здѣсь на стр. 200—260 и составляетъ перепечатку изданія 1825 г. безъ всякихъ варьянтовъ, дополненій и восстановленій тѣхъ стиховъ, которые въ свое время, противъ воли автора, были искажены, либо вовсе опущены.

Стихотворенія К. О. Рылъева. Съ его жизнеописаніемъ, сост. г. Фуксомъ. Наумбургъ. Въ типогр. г. Петца. 1862. Въ 16 д. л. XXIII и 227 стр. Войнаровскій здѣсь занимаетъ стр. 91—138. Примѣчанія напечатаны всѣ, кромѣ подстрочныхъ и нѣкоторые изъ пропущенныхъ стиховъ восстановлены. Статья Корниловича не перепечатана.

Вообще же говоря всѣ семь изданій „Войнаровскаго“, не выключая самаго перваго 1825 г., неудовлетворительны, и мы очень рады, что могли представить на страницахъ „Русской Старины“ возможно полный и исправный текстъ, притомъ съ варьянтами по подлинной рукописи автора, — поэма, которая приводила современниковъ поэта въ восхищеніе и до нынѣ занимаетъ въ исторіи отечественной литературы довольно видное мѣсто.

Ред.

*) Это изданіе еще въ концѣ двадцатыхъ годовъ сдѣлалось библиографическою рѣдкостью. Экземпляръ, поступившій въ мою бібліотеку былъ купленъ въ 1830-хъ гг. за 200 руб. ассигн.

Ред.